

рождает основные недостатки разбираемого сочинения.

Прежде всего потому, что по самому своему существу она вызывает множество возражений. 1. Темы престолонаследования и расширения границ Империи, связывающие, согласно, этой гипотезе, описываемую Тацитом эпоху и время Антонинов, вполне очевидно не составляют главного содержания ни «Истории», ни «Анналов». 2. Основная тема этих сочинений — борьба сената и императоров — явно не образует главного содержания эпохи Траяна и Адриана. 3. Неудачные походы, казни видных сенаторов и захват власти в результате женских интриг слишком часто повторяются на протяжении всей ранней Империи, чтобы можно было видеть в них отличительные признаки антониновской поры и объяснять интерес Тацита к такого рода темам его связью с эпохой Траяна и Адриана. 4. Тема престолонаследования, актуализованная, согласно разбираемой гипотезе, незаконной передачей власти Адриану, наиболее полно отражена Тацитом в I книге «Истории», написанной за много лет до Адриана. 5. Если бы Тацит продолжал работать над «Анналами» при Адриане (и выступать с публичными чтениями<sup>7</sup> отрывков из них), он не мог бы не исправить описания восточной границы Империи, содержащегося в начале сочинения и переставшего быть действительным в 116 г. 6. Тацит мыслил и писал, по выражению современника, *seculis*. Историческое сочинение для него — труд, исполненный достоинства (ср. Hist., II, 50: ...*gravitate coepti operis*...), посвященный судьбам народа и государства. Мысль о том, что заключительный труд всей его жизни представляет собой фронтальный памфлет, собрание намеков и выпадов, противоречит всему характеру творчества Тацита. 7. Тацит не единственный писатель, который, пережив время Флавиев, продолжал думать и писать о прошлом и при Антонинах; если этого не учитывать, придется считать травестиями и жизнеописания Светония и сатиры Ювенала.

Принятие охарактеризованной здесь гипотезы отрицательно сказывается и на изображении автором диалектики Тацита. Если «Анналы» — сочинение, тайно направленное против Антонинов, а отсюда и против принциата вообще (стр. 154, 157), значит Тацит, включившись в политическую борьбу времени, выбрал одну из сторон; проникновение его в относительность исторических противоречий, в диалектику сил, *quatum sausas prosul habeo*, исчезает. «Диалог» и, отчасти, «История» оказываются «диалектическим эпизодом», за пределами которого Тацит у Ложье все время делает однозначный выбор: за служение империи, *против* критиков Нерона или Домициана (стр. 39 сл.), *за* Траяна, *против* «сенат-

ской партии» (стр. 51), *против* Тиберия (т. е. *против* Адриана) (стр. 153 сл.), *за* свободу, которой обладают полудикие германцы (стр. 65 сл.). При таком подходе автор вынужден рассматривать те главы «Анналов», в которых Тацит рассказывает о благотворных мерах императоров, вне связи с другими, где говорится об ужасах императорского правления. Вместо двух сторон единого процесса возникает некое механическое «и — и» (стр. 167 сл.).

Главное, однако, в другом. Диалектика не была внесена Тацитом в римскую историю, а обнаружена им в ней как ее объективное свойство. Поэтому одностороннее и неполное понимание диалектики Тацита оказывается неотделимым от одностороннего понимания и самого исторического процесса, а местами приводит и к отрыву от его подлинного содержания. Это особенно очевидно, например, в главе о Тиберии, чье правление, как известно, отражало компромисс между традиционной римской олигархией, представленной сенатом, и широкими слоями провинциальных рабовладельцев, чьи интересы в конечном счете выражал император. Двойственность эта существовала объективно, каждая из сил обладала своей правотой (и своей неправотой), и потому мировоззрение Тацита, выразившего безвыходность этой ситуации, было трагическим<sup>8</sup>. Когда Ложье заменяет объективную категорию — историческую двойственность режима — субъективной — двуличием лицемера императора, которое Тацит лишь клеймит и разоблачает, — последний оказывается в положении человека, видящего однозначное добро и осуждающего однозначное зло, т. е. превращается из трагической фигуры в мелодраматическую.

Ошибок и неточностей в рецензируемой работе очень мало: похвальная речь Вергинию Руфу была произнесена Тацитом не «в собрании сената» (стр. 19), а, как обычно, на форуме у роstr<sup>9</sup>; дата смерти Агриколы, указанная на стр. 188, — 23 октября 93 г., по-видимому, описка: на стр. 31 правильно — 23 августа; на стр. 36 неточно сказано, что репрессии Домициана против сената начинаются «именно в 93 г.» — репрессии 82/83 и 88/89 гг. были не менее радикальны. Существен, однако, другой вопрос — о границах допустимого в отождествлении гипотетических и подлинных фактов. Вполне очевидно, что в научно-популяр-

<sup>7</sup> Вообще описанное Тацитом состояние Рима поразительно точно соответствует данной Марксом известной характеристике трагического в истории (К. Маркс, Ф. Энгельс, Соч., т. 1, стр. 418).

<sup>8</sup> Достаточно сравнить Polyb., VI, 53,9 — Та с., Ann. III, 5 — Plin., Ep., II, 1, 1 и 6.

ных книгах нельзя по каждому поводу развешивать критику и аргументацию точек зрения, и многие спорные вопросы приходится излагать как решенные. Все дело, однако, в мере. Когда Ж.-Л. Ложье пишет, например, что Тацит родом из Вазииона (стр. 7, 8, 22), это вполне допустимо, ибо такое суждение, не будучи бесспорным, обладает высокой степенью вероятности. Но если столь же *en passant*, как нечто само собой разумеющееся, автор замечает, что Тацит получил латинскую кличку именно и точно в 74 г. (стр. 15, 23), что персонаж «Диалога об ораторах» Апер — реальное историческое лицо (стр. 17, 77), а префект претория Корнелий Фуск был близким Тациту человеком

(стр. 28<sup>9</sup>), возникает опасение, что необходимая мера осторожности здесь перейдена.

В целом Ж.-Л. Ложье выполнил свою главную задачу — представить цельный образ гениального римлянина, вызвать к нему симпатию и уважение. Он написал хорошую интересную книгу, самые недостатки которой могут породить плодотворные споры.

Г. С. Кнабе

<sup>9</sup> Здесь автор следует недостаточно обоснованному утверждению Э. Кестермана («*Athenaeum*», 43, 1965, стр. 190 сл.)

## НЕСКОЛЬКО НОВЫХ ИЗДАНИЙ РАННЕХРИСТИАНСКИХ ПАМЯТНИКОВ

Несколько лет назад мы рецензировали две новые публикации раннехристианских произведений, вышедшие в серии «Христианские источники», издаваемой издательством Серф в Париже (ВДИ, 1967, № 4, стр. 184—186). За последние годы в этой же серии появилось еще несколько памятников, относящихся ко II—IV вв.

Наиболее ранний среди источников, которые мы рассмотрим в этой рецензии, — это так называемый «Сирийский апокалипсис Баруха», возникший в 70—135 гг. н. э., в период между двумя иудейскими восстаниями. В двухтомном издании П. Богэрта<sup>1</sup> французский перевод апокалипсиса занимает сравнительно немного места (т. I, стр. 463—528); весь второй том отведен комментарию, тогда как в первом томе переводу предшествует обширное введение.

Богэрт начинает с рукописной традиции апокалипсиса, полный текст которого сохранился только в одной рукописи (Ambrosianus B 21 Inf.) — в сирийской Библии VI—VII вв., отражающей тем самым тот ранний период в истории библейской традиции, когда канон еще не сложился окончательно. Помимо того, известен папирусный фрагмент апокалипсиса, датируемый концом IV—V в. (Oxyrh. 403) (автор воспроизводит его полностью: т. I, стр. 41 сл.); этот фрагмент на греческом языке, на котором, видимо, был написан и оригинал апокалипсиса.

Рассматривая апокалипсис как цельное произведение, а не как механическое соединение отдельных отрывков, Богэрт анализирует его содержание, ставит вопрос об авторе (титл он справедливо счи-

тает псевдоэпиграфом) и о соотношении памятника с другими сочинениями, связанными с именем Баруха. По мнению Богэрта, анонимный писатель, близкий по своим взглядам к Иешуа бен Анания, принадлежал к умеренным кругам еврейского общества, трагически перенесшим разрушение Иерусалимского храма, но отнюдь не стремившимся к новому восстанию.

В этой связи весьма интересны наблюдения исследователя о близости некоторых положений апокалипсиса Баруха и Нового завета (в частности посланий Павла). Поскольку апокалипсис Баруха не был известен (в отличие, скажем, от апокалипсиса Ездры) в христианских кругах, можно говорить скорее о параллельном развитии богословской мысли, нежели о прямом заимствовании.

Обстоятельное исследование Богэрта, помимо всего прочего, представляет особый интерес для историков славянских литератур, поскольку «Откровение Варухово» — в отличной от сирийского апокалипсиса редакции — известно и в древнеславянском переводе.

Послание Птолемея к Флоре, изданное Ж. Киспелем<sup>2</sup>, — сочинение II в. н. э., вышедшее из среды валентиниан. Оно сохранилось христианским писателем IV столетия Епифанием Кипрским в книге, предназначенной опровергнуть «лжеучения», к которым относилась и гностическая ересь Валентина. Послание посвящено вопросу, волновавшему в то время римскую общину, к которой, по-видимому, принадлежал Птолемей, — вопросу об отношении к ветхозаветному закону. В са-

<sup>1</sup> Anocalypse de Baruch, introduction, traduction du Syriaque et commentaire par P. Bogaert, I—II, P., 1969.

<sup>2</sup> P t o l é m é e, Lettre à Flora, Analyse, texte critique, traduction, commentaire et index Grec de G. Quispel, P., 1966.

мом начале Послания Птолемей говорит о существовании двух направлений: по мнению сторонников одного из них, закон Моисея дан богом-отцом («богом и отцом», как сказано в Послании), другие же, напротив, приписывают его диаволу-губителю (3, 2). Последняя фраза излагает в несколько упрощенном виде маркионитское учение, согласно которому законодательство Яхве было пронизано мелочностью и мстительностью.

Сам Птолемей занимает в этой дискуссии среднюю линию: закон Моисея, не обладающий совершенством, не мог принадлежать совершенному богу. Но вместе с тем законодатель, не будучи благим, не был и злым, — Птолемей называет его справедливым.

Послание Птолемея весьма любопытно как один из первых (если не древнейший) памятников библейской критики. Автор полагает, в частности, что Моисеево законодательство содержит человеческие интерполяции (4, 1). Например, Птолемей утверждает, что господь запретил развод, тогда как Моисей трактует этот вопрос иначе (4, 5). В соответствии с этим Птолемей выделяет в законе три части: одна — это собственно божьи заповеди, другая принадлежит Моисею, третья — старейшинам еврейского народа (4, 14).

Послание издано с французским переводом, обширной вводной статьей и комментарием. Несмотря на то, что в последние годы появились новые тексты, принадлежащие гностикам, Послание Птолемея продолжает оставаться существенным источником для изучения идейной жизни Империи II в.

М. Боррэ приступил к изданию последнего сочинения виднейшего богослова III в. Оригена «Против Кельса»<sup>3</sup>. Издание должно состоять из пяти томов: первые четыре содержат греческий текст и французский перевод, в последнем должно быть дано «Введение», посвященное проблемам, затронутым у Кельса и Оригена.

Произведение Оригена издавалось неоднократно, хорошо известно и не нуждается в специальной рекомендации. В новом издании, помимо старых рукописей, использованы папирусные фрагменты, найденные в 1941 г. в Туре<sup>4</sup>. Это выписки, сделанные в VII в. из первых двух книг «Против Кельса». Они составляют около трети текста этих двух книг. Боррэ, отложив обсуждение кардинальных проблем до пятого тома, поместил в первом лишь краткое предисловие, где, помимо

вопроса о рукописной традиции и принципах издания, останавливается на датировке издаваемого им сочинения, которое он относит к 248 г.

Так называемые «Тайноводственные (мистагогические) поучения»<sup>5</sup> подготовлены О. Пьеданьелем, греческий текст сопровождается старым французским переводом П. Пари, в который внесены некоторые исправления. Пьеданьель издал поучения, согласно католической традиции, как произведение Кирилла Иерусалимского, хотя в подробном введении он освещает всю сложность атрибуции этого памятника.

Кирилл Иерусалимский (умер в 387 г.), один из видных церковных писателей IV в., прожил трудную жизнь, наполненную интригами, богословскими спорами, политическими гонениями. Его поставление на кафедру в Иерусалиме около 350 г. многие ранние авторы, в том числе Пероним, Руфин и Сократ, изображают как результат закулисного сговора, и только Феодорит Киррский представил избрание Кирилла, «действенного защитника апостольской веры», акцией, не затуманенной какими-либо побочными соображениями. Пьеданьель, впрочем, считает известие Иеронима легендарным, а Сократа — ошибочным (стр. 11). Церковно-политическая борьба, вылившаяся в форму арианских споров, затронула и Кирилла: он был низложен митрополитом Кесарии Акакием (в IV в. иерусалимский епископ был подчинен кесарийской митрополии), реабилитирован на соборе в Селевкии (359 г.), снова низложен на Константинопольском соборе в 360 г., возвращен Юлианом, сослан Валентом и торжествовал, когда при Феодосии I ортодоксия одержала верх над арианством.

Участник ожесточенной борьбы, Кирилл сам стал объектом ожесточенной борьбы через тысячу лет после его смерти. Спор развернулся вокруг «Тайноводственных поучений», которым католическая церковь придавала очень большое значение и которые протестантская критика уже в 1574 г. объявила неподлинными.

В рукописной традиции «Тайноводственные поучения» атрибутируются трояко: либо Кириллу Иерусалимскому, либо его преемнику Иоанну II Иерусалимскому (умер в 417 г.), либо тому и другому вместе. Иоанн, в частности, назван автором в Мюнхенской рукописи (Monacensis 394), датируемой X веком, наиболее ранней из всех сохранившихся. Более того, в арабском переводе поучений, рукопись которого (Sinaiticus 309) переписана в 909 г., в титуле первого поучения стоит имя Иоанна. В литературной традиции «Тайноводственные поучения» обычно не включают

<sup>3</sup> Origène, Contre Celse, introduction, texte critique, traduction et notes par M. Borret, t. 1—4, P., 1967—1969.

<sup>4</sup> M. J. Scherer, Extraits des livres I et II du Contre Celse d'Origène d'après le Papyrus № 88747 du Musée du Caire, Le Caire, 1956.

<sup>5</sup> Cyrille de Jérusalem, Catéchèses mystagogiques, introduction, texte critique et notes de A. Piédagnel, traduction de P. Paris, P., 1966.

ся в наследие Кирилла, хотя другие его сочинения упомянуты такими знатоками, как Феодорит Киррский, Иоанн Дамаскин и Фотий. В самом сочинении обнаруживаются некоторые пассажи, выдающие влияние Оригена, что как раз характерно для Иоанна II, а не для Кирилла. Наконец, Пьедангель отмечает стилистические различия между поучениями и бесспорно подлинным наследием Кирилла.

Но все же эти аргументы не могут служить решающими: уже в VI в. Евстратий Константинопольский цитировал длинный отрывок из V поучения, зная его как сочинение Кирилла; в VII—VIII вв. Анастасий Синаит также считал Кирилла автором «Тайноводственных поучений». При всех своих особенностях этот памятник имеет и общие черты с произведениями Кирилла (в методах изложения материала).

Поэтому Пьедангель оставляет вопрос открытым, допуская, между прочим, что первоначальная (Кириллова) редакция поучений в дальнейшем могла быть переработана Иоанном II. Издатель дает характеристику этого сравнительно малоизвестного церковного деятеля, которого современники считали гневным, завистливым и мстительным — впрочем, Пьедангель (стр. 76 и сл.) старается смягчить это неблагоприятное суждение.

Сами «Тайноводственные поучения» — независимо от того, кто был их автором, — интересный документ для изучения христианской церкви на рубеже IV и V вв.

Трехтомное издание «Жития св. Мартина»<sup>6</sup>, написанного Сульпицием Севером в 397 г., по своему характеру напоминает книгу, подготовленную Богэром: здесь тоже латинский текст (вместе с французским переводом) занимает сравнительно малую часть I тома (стр. 248—345), тогда как два последних тома составляют детальнейший комментарий. В Текстсту предпослана большая статья, в которой Ж. Фонтэн, издатель, переводчик и комментатор Жития, предлагает читателю общую характеристику памятника. Фонтэн подчеркивает достоверность «Жития св. Мартина» и видит в нем важный источник для изучения христианства в римской Галлии. Фонтэн специально рассматривает Житие как литературный памятник, вскрывая то, что он называет «типологической» стилизацией, имевшей апологетическое назначение. Вместе с тем Фонтэн рассматривает мировоззрение Сульпиция Севера, видя в нем выразителя взглядов галльского монашества. При этом особенно интересно критическое суждение Фонтэна, по мнению которого, блудение Фонтэна, ученик Мартина, в известной мере отошел от своего учителя: Мартин был больше аскетом, нежели интел-

лектуалом — Сульпиций, наоборот, скорее интеллектуалом, чем аскетом (I, стр. 169).

К тому же IV столетию относятся и «Гимны о рае» Ефрема Нисибийского, опубликованные во французском переводе с сирийского, выполненном Р. Лаваном<sup>7</sup>. Перевод выполнен по критическому изданию Э. Бека, выпущенному в 1957 г. и основанному на новых рукописях, в том числе на манускрипте Британского музея (Additional 14571), который датируется 519 годом. Введение к переводу, написанное Р. Граффеном, характеризует творчество Ефрема Сириня (около 306—373), эдесского диакона, одного из крупнейших церковных писателей Сирии, и специально — издаваемые гимны. Граффэн предполагает, что гимны были написаны Ефремом в юности, задолго до Константинопольского собора 381 г., на котором восторжествовала ортодоксия. Он разбирает стилистические особенности гимнов и подробно останавливается на их теологии. Троица упоминается в гимнах лишь однажды, св. дух — не назван вовсе, зато фигура Христа, нового Адама, господствует во всей поэзии Ефрема. Человека Ефрем помещает в центре рая и в центре космоса. Большое место уделено в гимнах Сатане; хотя он и не является дуалистическим божеством, равновеликим богу, однако именно он порождает злые деяния людей. Особенно подробно рисует Ефрем образы рая.

Этот краткий обзор нескольких томов серии «Христианские источники» дает известное представление о всем издании. Оно включает в себя греческие, латинские и восточные тексты, первые в оригинале с французским параллельным переводом, восточные же — только в переводе. Тексты издаются с учетом новых рукописных находок, критически, обычно с подробным комментарием и в сопровождении обширных статей, иной раз перерастающих в солидные монографии. Удобные указатели облегчают пользование текстом. Несмотря на известную идеализацию церковных деятелей, присущую кое-кому из сотрудников серии, принятая изданием дает в руки исследователя раннего христианства надежные материалы — пока еще (до завершения серии) поневоле отрывочные и не систематизированные. По замыслу же серия должна составить полную сводку христианской литературы раннего времени.

Заметим попутно, что в серии издаются и более поздние христианские авторы — как западноевропейские, так и византийские, — однако рассмотрение этих выпусков выходит за хронологические рамки темы настоящего обзора.

А. П. Каждан

<sup>6</sup> Sulpice Sévère, Vie de saint Martin, introduction, texte et traduction par J. Fontaine, I—III, P., 1967—1969.

<sup>7</sup> Ephrem de Nisibe, Hymnes sur le Paradis, traduction du Syriac par R. Lavenant, introduction et notes par F. Graffin, P., 1968.